

Шершеневич Г. Ф.
Учебник русского гражданского права
Москва, издание Бр. Башмаковых, 1911 г.

§ 62. Личные и имущественные отношения супругов

Из юридического понятия о браке и признании свободы личности за каждым гражданином, к какому бы классу и полу он ни принадлежал, следует, что в личных и имущественных отношениях супруги должны быть так же равноправны и самостоятельны, как они были до брака. Брак не должен оказывать никакого влияния на положение супругов, юридические отношения которых должны быть таковы, как и между посторонними лицами. Законодатель не должен распределять власть в семье, потому что главенство определяется силой характера, нравственным авторитетом обоих супругов, а не повелением закона. Женщина в семье должна пользоваться таким же юридическим положением, каким она пользовалась до замужества и каким будет пользоваться по прекращении брака. Также самостоятельна должна она быть и в имущественном отношении. Если фактически в семье возникает общий фонд в виде домашней обстановки и денежных средств, определяемых на текущие потребности, то это возможно и действительно устанавливается между посторонними лицами в случае совместного сожителства. Но это общение не имеет большого юридического значения, тем более что оно сохраняет только, пока между супругами не возникает раздора. Юридический интерес признания имущественной раздельности относится к недвижимостям, капиталам, не подлежащим фактическому слиянию и обеспечивающим материальную самостоятельность каждого супруга. Однако вследствие исторически сложившихся взглядов этот идеальный порядок отношений между супругами является далеко не признанным в современных законодательствах.

I. Отношения между супругами на Западе. Германские племена внесли в жизнь новых народов взгляды на семью, которые так прочно утвердились, что ни продолжительный период времени, ни влияние рецепции римского права, ни новые идеи XVIII века не в состоянии были их вытеснить. По древнегерманскому праву, жена находилась под опекой мужа (*mundium*), который был единственным представителем семьи на внешней стороне. В отношении женщин действовала вечная половая опека отца, братьев, мужа. Из личной подчиненности вытекала уже и имущественная несамостоятельность. Жена была хозяйкой дома, но ей ничего не принадлежало, даже то, что она принесла с собой в новую семью. С течением времени имущественная подчиненность перешла в имущественное общение, как более мягкое выражение того же юридического явления.

В основу этой общности имущества между супругами поставлена была идея о соответствии имущественного общения с личным и нравственным общением, вытекающим из брака. В действительности такая имущественная несамостоятельность замужней женщины, устанавливаемая большинством современных западноевропейских законодательств, основывается не на идее брака, а на праве личной власти мужа над женой, с которым мало согласовалась бы имущественная независимость. Если бы общность имущества основывалась на брачном общении, то права обоих супругов были бы равны, а между тем всюду мужу предоставляется управление общим имуществом. Право мужа на пользование и распоряжение общим имуществом не вытекает из существовавшего некогда взгляда на вечную незрелость женщины, неспособность ее к делам, потому что женщина до замужества и после прекращения брака пользуется такой же дееспособностью, как и мужчина.

Итак, устанавливаемое западными законодательствами общение имущества вытекает исторически из личной подчиненности жены мужу. Вследствие этого замужняя женщина на Западе, по законодательствам романского типа, не вправе совершать юридических сделок без разрешения мужа, не вправе предъявлять иск и вступать в ответ по иску, предъявленному без его согласия. Жена подчиняется мужу в деле выбора местожительства, воспитания детей. Нарушение верности супружеской со стороны жены обсуждается строже, чем неверность мужа, под тем предлогом, что неверность жены может иметь своим последствием появление в семье незаконных детей, тогда как неверность мужа теряет свое значение за дверями дома.

Французский кодекс 1804 г., особенно строгий к женщине, признает жену виновной в прелюбодеянии, если бы даже ее поступок был единичный, тогда как со стороны мужа нарушение супружеской верности предполагает: а) постоянную связь и б) в своей квартире; за прелюбодеяние мужу грозит денежный штраф, тогда как жена может подвергнуться тюремному заключению на время до двух лет; наконец, закон находит оправдание мужу, убившему свою жену, которую он застал в момент нарушения супружеской верности (Уголовный кодекс, § 324). Такого же направления держались и законодательства германского типа (прусское, саксонское), но Германское уложение 1896 года значительно освободило замужнюю женщину от требования авторизации со стороны мужа совершаемых ею юридических сделок. Вообще конец XIX века сильно изменил отношения между супругами в Европе. Законодательство и судебная практика всех стран стремятся уравнивать имущественную дееспособность жены, освободить ее от опеки мужа, лишить мужа права требовать к себе жену силой. Господство мужа, которое Потье некогда считал естественным правом, явно падает, жена становится все более равноправным супругом.

Во Франции имущественные отношения между супругами определяются брачным договором (*contrat de mariage*), который, ввиду важности его, должен быть непременно совершен в нотариальной форме. Имущественные отношения между супругами сводятся главным образом к следующим четырем типам: 1) *Separation des biens*, система полной раздельности имуществ; 2) *Regime dotale*, система, при которой имущество жены делится на две части, на приданое и на особое имущество (*biens paraphernaux*); 3) *Regime de communaute* - система общности имуществ, при которой имущество обоих супругов составляет одну общую массу; 4) *Regime exclusif de communaute* отличается от предшествующей системы тем, что хотя доходы с имущества того и другого супруга идут на общее хозяйство, но по прекращении брака каждому супругу возвращается та часть, которая ему принадлежит. Если супруги не заключили брачного договора или если договор, за несоблюдением формы или других существенных условий сделки, будет признан недействительным, то отношения определяются системой общности имуществ, которая признается законодателем наиболее отвечающей идее брака и соответствующей историческим началам. Однако имущественные отношения между супругами во Франции должны подвергнуться значительному воздействию в сторону расширения прав жены вследствие изданного 13 июля 1907 года Закона о праве замужней женщины на трудовой ее заработок.

Несмотря на то, что Германия свыклась с системой общности имуществ, как с национальной, германское гражданское уложение признало основной формой имущественных отношений между супругами систему управления (*Verwaltungsgemeinschaft*). Супругам предоставляется договором определить свои имущественные отношения (*Ehevertrag*) как им угодно, лишь бы не нарушались интересы третьих лиц (§ 1432). Договор должен быть заявлен в реестр участкового суда по месту жительства мужа (§ 1558). Однако законодатель, в виде образца, предлагает несколько систем, т.е.: а) *Allgemeine Gutergemeinschaft*, в силу которой имущества мужа и жены сливаются в одну массу (*Gesamtgut*); б) *Errungenschaftsgemeinschaft*, в силу которой сливается в одну массу только приобретенное каждым супругом во время брака, но не до брака; в) *Fahrnisgemeinschaft*, в силу которой сливаются только движимые имущества супругов, и д) *Gutertrennung*, в силу которой имущества супругов признаются раздельными. Если ни одна из этих систем не установлена соглашением, то имущественные отношения супругов определяются законной системой (§ 1363-1431). Имущество жены, приобретенное ею до брака или во время брака, поступает в управление и пользование мужа (*eingebrahtes Gut*). Это право мужа не распространяется на имущество жены, приобретенное ею собственным трудом и самостоятельной промышленной деятельностью (*Vorbehaltsgut*). Так же независимо от управления мужа и все дошедшее к жене под этим условием по дарению или по завещанию.

В Англии еще недавно брак имел своим последствием слияние в юридическом отношении лица жены с лицом мужа (*coverture*), так что муж не мог совершить договора с женой, потому что нельзя вступать в договоры с самим собой; договоры, заключенные до брака, прекращались в силу слияния. Преступления, совершенные женой в присутствии мужа, вменялись в вину ему. Так как и по английскому праву преобладание в семье дано мужу, то дело сводилось к полному подчинению всего имущества обоих супругов одному мужу. Он имел полное и безотчетное право на всю движимость, приобретаемую женой, хотя бы личным трудом; ему принадлежало право пользования, хотя и без права отчуждения, недвижимостями, дошедшими к

жене в виде приданого, дара, наследства. Законы 1870 и 1874 гг. сделали первую попытку поставить жену в более независимое положение. За ней было признано право на ее личные заработки, на жалованье, рабочую плату, литературный гонорар, на доход от промысла или торговли, которые она ведет независимо от мужа. Приобретаемая ею движимость по дарению или наследству не свыше 200 фунтов стерлингов, а также доходы с принадлежащих ей недвижимостей составили ее исключительное право. Наконец, Закон 1882 г. установил полную раздельность в имущественных отношениях супругов, признав за незамужней женщиной материальную и процессуальную дееспособность. В том же духе составлен Закон 1893 г., определяющий отношения замужней женщины к третьим лицам по заключенным сделкам.

II. История личных и имущественных отношений супругов в России. Современное русское законодательство, придерживаясь того же взгляда на личную подчиненность жены мужу, в имущественном отношении устанавливает полную самостоятельность ее. Такое уклонение русского законодательства от западных составляет загадку истории русского права, к решению которой было предложено несколько ответов. По мнению некоторых (Неволин, Победоносцев), установленный в нашем законодательстве принцип раздельности имущества между супругами вытекает непосредственно из всей истории, в которой это начало выразилось будто бы с замечательной последовательностью. По мнению других (Владимирский-Буданов), в историческом развитии обнаруживается преимущественно три типа отношений: а) в древнейшее время вместе с лицом жены и само имущество ее подчиняется власти мужа; б) во второй период - до XVIII в. господствует начало общности семейных имуществ лишь с некоторыми исключениями в пользу раздельности, с) и только в XVIII в. устанавливается законом ныне действующее право полной раздельности имущества супругов.

В древнейший период русской истории семья, как и всюду, пользовалась автономией. Личные имущественные отношения между членами семьи не подлежали законодательным определениям. Этим обстоятельством объясняется бедность указаний на семейные права в исторических и юридических памятниках. Определение характера отношений супругов может быть сделано только на основании общих памятников литературы и некоторых современных обрядов, являющихся отголоском далекой старины.

В эпоху господства патриархальных начал едва ли подлежит сомнению полное подчинение жены власти мужа. При невмешательстве государства во внутреннюю жизнь семьи трудно даже отличить эту власть от власти над рабами. В пользу личной подчиненности указывает обряд разувания, который оказался, например, Рогнеде слишком унижительным в отношении к Владимиру, сыну рабыни. На это же указывает существующий в некоторых местностях обряд, по которому отец новобрачной ударяет ее плетью и передает последнюю мужу. Владимир Мономах в поучении своем детям говорит: "Жену свою любите, но не давайте ей над собой власти". При личном подчинении жены не могло быть и речи об имущественной ее самостоятельности. Упоминание о том, что Ольге принадлежал город Вышгород, не противоречит этому взгляду, потому что в этом примере частноправовой элемент отступает перед публичным, и притом княгиня в то время была без мужа. Таким образом, вся вероятность говорит в пользу того предположения, что в этот период имущество принадлежало мужу, а жена находилась в полной личной и имущественной подчиненности.

В московскую эпоху государственная власть слишком была занята интересами политической самостоятельности России, чтобы обращать внимание на семейные отношения. Но условия общественной жизни были малоблагоприятны для развития независимости замужней женщины. Под татарским влиянием последняя лишилась той свободы, которой пользовалась прежде, и подверглась заключению в терем. Господству мужа не ставилось никаких границ, и фактически жена была во власти мужа. В описаниях иностранцев встречается много указаний на жестокое обращение мужей с женами. Достаточно вспомнить картину семейных отношений и идеал, обрисованные Домостроем. Иоанн IV повелел признавать недействительными назначения мужей в завещании жен душеприказчиками, потому что они в воле мужей. Относительно имущественной сферы проф. Владимирский-Буданов высказывает предположение о существовании в период с XIV до XVII в. системы общности имущества между супругами. Однако подтверждения этому взгляду в памятниках не находится, а, напротив, встречаются самые противоречивые указания и на раздельность и на управление мужа приданым жены.

Постановление Уложения (XVII, 2), по которому "купленная вотчина жене его, вольно ей в той вотчине, как похочет, нет до нея никому дела", свидетельствует не об общности имущественной, а о праве наследования после мужа в имуществах, приобретенных не под условием службы. Основывать общность имуществ между супругами на купчих грамотах, где говорится "се аз... продал есми... и его жене и его детям в прок без выкупу вотчину" невозможно, потому что из таких грамот следовало бы вывести и общность имуществ между родителями и детьми. Таким образом, юридическая сторона имущественных отношений между супругами в московский период не поддается определению.

Петр I много способствовал освобождению русской женщины. Весь XVIII век, несмотря на отдельные примеры противоположного свойства, представляет собой последовательный ход развития личности женщины. Однако, несмотря на такую перемену в бытовых условиях, замужняя женщина осталась и до сих пор остается подчиненной неограниченной власти мужа. Напротив, в имущественном положении XVIII век представляет несколько колебаний, которые в XIX столетии разрешаются признанием полной самостоятельности женщины. В 1753 году Сенат по делу Головиной нашел, что жена может продать свое имение без согласия мужа. В 1763 году Сенат признал недействительность договоров между супругами ввиду личной зависимости жены от мужа. Свод законов установил принцип раздельности имуществ супругов и провел его вполне последовательно.

В объяснение такого прямого решения этого вопроса, когда история не давала к тому достаточно прочных оснований, приводят различные основания. Некоторое значение придается влиянию русских императриц, которые приняли к сердцу положение женщины. Было высказано мнение (Оршанским), что начало раздельности основано не на исторических данных, не на указах, даже не на склонности к этой системе составителей Свода, а только на отсутствии всяких постановлений, ограничивающих независимость замужней женщины. Однако такое объяснение кажется маловероятным ввиду бытовой важности вопроса. Очевидно, Свод законов не стал в противоречие с жизнью, а, напротив, соответствовал обычаям. На отсутствии указов можно было бы основать с одинаковым успехом и запрещение женщине распоряжаться своим имуществом. Проекты Гражданского уложения 1809 и 1814 годов, составленные задолго до Свода, кладут в основу своих постановлений систему имущественной раздельности.

III. Личные отношения. Идея общения предполагает равенство общественного положения супругов. Там, где сохранились сословные начала, вопрос этот имеет немаловажное значение. Какими правами состояния должны пользоваться оба супруга при принадлежности их к разным сословиям? По русскому законодательству уравнение супругов имеет место только в том случае, когда жена принадлежит к низшему состоянию, чем муж. Муж сообщает жене своей, если она по роду своему принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином и званием (т.IX, ст.5; т.X, ч.1 ст.100; т.IX, ст.44, 53, 367, 493, 539, 542, 710). Безразлично, принадлежали ли мужу права состояния до брака или приобретены им в браке. Единственным исключением из этого правила было положение женщин, лишенных прав со ссылкой в сибирские и другие отдаленные губернии и вступивших в брак в новом месте своего жительства (т.XVI, Устав о ссыльных, ст.501 прим.). Но и это исключение ныне следует считать потерявшим силу на будущее время (т.X, ч.1, ст.100 прим., по прод. 1908). Наоборот, жена, принадлежащая к высшему состоянию, не сообщает мужу своих сословных прав, но и сама не теряет их. Дворянка, вышедшая замуж за мещанина, не теряет дворянства. В купеческое свидетельство, выдаваемое на имя мужа, может быть внесена жена; в выданное же на имя жены свидетельство муж внесен быть не может (т.V, ст.288 и Закон 8 июня 1898, п.VII). Исходя из принятого нашим законом принципа, в силу которого женщина, пользующаяся лично большими правами состояния, при выходе замуж за человека, имеющего низшие права, сохраняет в своем лице все преимущества, - следует прийти к заключению, что еврейка, пользующаяся лично, по образованию, правом повсеместного жительства, не утрачивает этого права, если вступит в брак с евреем, обязанным жить в черте оседлости, тогда как еврейка, пользовавшаяся этим правом только как дочь, при выходе замуж за еврея, обязанного проживать в черте оседлости, следует положению своего мужа (реш.1 дек. 1908, N 1509).

Жена не только пользуется правами мужа, но и приобретает их в своем лице. Поэтому она не утрачивает их в случае смерти мужа, лишения его всех прав состояния (т.X, ч.1, ст.101),

развода. В последнем случае возбуждается сомнение, сохраняет ли жена права состояния мужа или утрачивает их. Развод есть прекращение брака действительного, т.е. такого, который имел все юридические последствия. Если женщина приобрела права состояния мужа вступлением в брак, то она не теряет их впоследствии, когда наступает факт, прекращающий брак, т.е. смерть или развод (Указ I департамента Сената, 1903, N 9773, по поводу жен евреев). Что касается фамилии, то взгляды законодательств по этому вопросу противоречивы. Германское уложение сохраняет за разведенной женой фамилию мужа, если она сама не пожелает возвратиться к прежней (§ 1577). Французский закон 6 февраля 1893года разрешил этот вопрос в противоположном смысле, восстанавливая фамилию, которой пользовалась жена до замужества. Швейцарский кодекс 1907 года точно так же восстанавливает за разведенной женой ее прежнюю фамилию. В том же духе решает этот вопрос и английское право по Закону 1857 г. У нас вопрос этот представляется тем более сомнительным, что закон наш ничего не говорит о приобретении женой права на фамилию мужа, если не считать, конечно, косвенного намека (т. IX, ст. 79), предполагающего существование общего закона, которого в действительности нигде нет.

Главная личная обязанность, вытекающая из брака, - это совместное жительство. Сожительство основывается на идее брачного общения и на праве личной власти мужа. Этим объясняется неравномерность распределения обязанностей. Супруги обязаны жить вместе, говорит закон, а посему при переселении, при поступлении на службу или при иной перемене постоянного жительства мужа жена должна следовать за ним (т. X, ч. 1, ст. 103). Таким образом, место жительства семьи определяется местом жительства мужа, если только он имеет постоянную оседлость. Сам закон, однако, устанавливает исключения из общего правила, не говоря уже о том, что обязанность сожительства прекращается перед дверьми тюрьмы и у ворот казармы: а) Когда один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением прав состояния, то другой супруг может за ним не следовать (т. X, ч. 1, ст. 50). б) В случае состоявшегося приговора крестьянского общества об удалении из его среды вредного члена его жене удаляемого предоставляется, если она того пожелает, не следовать за ним в место нового водворения (т. XIV, Уст. прест. крест. по прод. 1906, ст. 205, прилож. ст. 71).

Если обязанность жены жить вместе с мужем основывается на его праве личной власти (т. X, ч. 1, ст. 107 и 108), то муж может настаивать на своем праве в случае уклонения жены от сожительства. Если обязанность жены не только нравственная, но и юридическая, то требование мужа должно подлежать удовлетворению со стороны суда и исполнению (*manu militari*). Но здесь - то и обнаруживается неосуществимость прав личной власти мужа, потому что задержание последним жены составляет уголовное преступление, наказуемое строже даже, чем лишение свободы постороннего лица (Уложение о наказаниях, ст. 1544). На практике признание судом прав мужа приводит к следующим результатам: "Ответчица, она же и объект иска, являлась с судебным приставом в дом мужа; пристав делал на исполнительном листе надпись, что решение приведено в исполнение, и уходил, а вслед за ним уходила и ответчица. Муж снова обращался к судебному приставу, но тот отвечал, что ему больше нечего делать: исполнение решения уже исчерпано и вторичному исполнению решение не подлежит" (Боровиковский). С другой стороны, если бы суд удовлетворил прошение жены о водворении ее к мужу и судебный пристав открыл ей силой двери квартиры, то нет никаких юридических средств воспрепятствовать мужу, чтобы он не делал жизнь жены в квартире невозможной или просто не выдворил ее насильно.

Обязанность сожительства основана на праве личной власти, от которого муж не может отречься и которого не может отчуждать. Поэтому воспрепятствуются все акты, клонящиеся к самовольному разлучению супругов (т. X, ч. 1, ст. 46 и 103). Такие акты были бы недействительны, если бы даже закон и не указывал на то. В практике этому постановлению дают чрезмерно широкое значение и готовы уничтожить всякий акт, в котором есть указание на раздельное жительство. Сенат истолковал запрещение закона в смысле недопустимости актов, направленных на самовольное расторжение супружеской связи между мужем и женой (кас. реш. 1879, N 309). Такое толкование не может быть признано верным, потому что невозможность самовольного расторжения брака и без того следует из всех постановлений о порядке его установления и прекращения, а во-вторых, потому, что ст. 103 говорит о правах и обязанностях, вытекающих из брака и предполагающих его существование, а не расторжение. Истинное значение указанной

статьи заключается в признании недействительности отречения со стороны мужа, в какой бы то ни было форме, от своего права личной власти.

На основании того же постановления в практике давно установился взгляд на невозможность выдачи паспорта жене без разрешения мужа. При нашей паспортной системе этот порядок представляется чрезвычайно стеснительным, особенно в низшем классе, лишая женщину возможности самостоятельного заработка. Правило это представляется тяжелым, когда пребывание мужа неизвестно; оно становится возмутительным, когда делается предметом вымогательства. Между тем этот порядок не имел под собой законного основания при прежней паспортной системе. Нигде в нашем законодательстве не было указано, что администрация может выдавать жене вид на жительство только с согласия мужа. Указывали на запрещение актов, клонящихся к разлучению супругов, и подводили паспорт под вид таких актов. Но если бы это было так, то паспорт не мог бы быть выдан жене и при согласии мужа, не мог бы быть выдан мужу без согласия жены. Прав же личной власти выданный паспорт не нарушает, так как служит только удостоверением личности, и муж всегда сохраняет право, несмотря на выданный с его согласия отдельный вид, потребовать жену к совместному сожительству. Между тем этот взгляд, распространенный прежде в административной сфере, хотя и не опиравшийся на закон, нашел себе выражение в Положении 3 мая 1894 г. о видах на жительство, где уже решительно постановляется, что замужние женщины, независимо от их возраста, получают отдельные виды не иначе как с согласия мужа (ст.11). Это законодательное разрешение спорного вопроса едва ли можно признать удачным. По Закону 18 июня 1897 года жене лица, находящегося в безвестном отсутствии или страдающего умопомешательством, может быть выдан паспорт по распоряжению губернатора или градоначальника. Указом Сената предложено крестьянским учреждениям выдавать крестьянкам паспорта помимо согласия мужей, если последние окажутся виновными в жестоком обращении (I Общее собр. 30 ноября 1899 года).

Из права личной власти мужа выводится запрещение некоторых сделок без разрешения мужа, именно вступления в договор личного найма (т.Х ч.1 ст.2202), и выдачи или передачи векселей (Устав вексельный, ст.2). Первый договор устанавливает фактически такую личную близость и зависимость жены к нанимателю, которая может стать в противоречие с правами мужа. Недопустимость вексельных обязательств представляется несоответствующей современному порядку взыскания по векселям, потому что ныне не существует более личное задержание, которое в прежнее время противоречило правам мужа.

Брак возлагает на супругов обязанность верности. Наш закон, в противоположность некоторым западным законодательствам, относится с одинаковой строгостью как к мужу, так и к жене. По русскому праву нарушение супружеской верности, носящее название прелюбодеяния, влечет за собой, по жалобе другого супруга, одно из двух последствий. Преследование, возбужденное в уголовном порядке, перед светским судом, может привести виновного супруга к заключению в монастыре или тюрьме на время от 4 до 8 месяцев (Уложение о наказаниях, ст.1585). Преследование, возбужденное в гражданском порядке, перед духовным судом, может повлечь расторжение брака.

Нравственное общение, устанавливаемое браком, стесняет возможность свидетельства на суде одним супругом за или против другого. Показания за супруга не внушают достаточного доверия, показания против супруга несогласны с их взаимными обязанностями. В гражданском процессе супруги тяжущихся, безусловно, не допускаются к свидетельству и устраняются самим судом от показаний (Устав гражданский, ст.371, п.4). В уголовном процессе муж или жена подсудимого лица могут устранить себя от свидетельства, а если не пожелают воспользоваться этим правом, то допрашиваются без присяги (Устав уголовный, ст.705).

IV. Имущественные отношения. Русское законодательство устанавливает полную раздельность имуществ между супругами. Браком не составляется общение имущества супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную собственность (т.Х, ч.1, ст.109). Приданое жены, равно как имущество, приобретенное ею или на ее имя во время замужества через куплю, дар, наследство или иным законным способом, признается ее отдельной собственностью (т.Х, ч.1, ст.110). Из принципа раздельности имущества вытекает возможность для каждого супруга распоряжаться своим имуществом прямо от своего имени, независимо друг от друга и не испрашивая на то взаимного дозволения (т.Х, ч.1, ст.114). Отсюда же следует, что, как

самостоятельные субъекты, супруги могут вступать между собой во всевозможные сделки дарственного и возмездного свойства (т.Х, ч.1, ст.116). Один супруг не отвечает своим имуществом за долги другого.

При совместной жизни создается общая обстановка, приобретаемая на средства одного или обоих супругов. Относительно этой обстановки возникает между супругами некоторая материальная общность, но только фактически. Это имущество не может быть привлечено к ответственности полностью по долгам каждого из супругов. Трудность заключается в определении доли, на которую имеет право каждый из супругов, а следовательно, и его кредиторы. Наш закон устанавливает предположение, что вещи, составляющие домашнюю обстановку, принадлежат тому супругу, с которого производится взыскание, пока и насколько не будет доказано противное. При взыскании с одного из супругов подвергается описи и продаже вся движимость, находящаяся в общей их квартире, за исключением платья и белья другого супруга и вещей, о принадлежности которых этому супругу предоставлены доказательства (Устав гражданский, ст.976). Такое правило необходимо в интересе кредиторов, от которых иначе всегда ускользали бы эти вещи, имеющие иногда значительную ценность. Это правило не является нарушением принципа раздельности и не составляет последствия брака, потому что такое же правило могло бы иметь применение к взысканию с одного из нескольких лиц, живущих вместе.

При несостоятельности одного из супругов имущество другого не входит в конкурсную массу. Однако относительно вещей, находящихся в общей квартире, закон установил, в интересе кредиторов, правило, по которому обязанность доказывания его принадлежности лежит не на конкурсном управлении, а на другом супруге (Устав торговый, ст.465). Затем, даже обособленное имущество супруга может быть обращено в конкурсную массу, если оно перешло к нему дарственным путем от несостоятельного должника в течение последних 10 лет перед конкурсом. Далее, если вещи приобретены одним супругом у другого возмездно, закон возлагает на первого обязанность доказать, что приобретение было сделано не на деньги, дошедшие от мужа (Устав торговый, ст.4612). Здесь также нет нарушения принципа раздельности имущества, потому что такое же опровержение сделок и поворот имущества допускается относительно детей и родственников.

На мужа лежит обязанность содержания жены (т.Х, ч.1, ст.106). Она вытекает из склада современных общественных отношений, при которых средства для существования семьи добываются обыкновенно мужчиной. Ему открыт доступ ко всевозможным занятиям, его воспитание prepares труженика. Право жены на содержание имеет имущественный характер, так как это есть право требовать от мужа части его доходов. В то же время это право имеет личный характер, потому что право содержания присвоено определенному лицу без возможности отчуждения его, потому что требование содержания обращается к лицу мужа, а не к преемникам его. Со смертью того и другого лица прекращаются и право и обязанность. Право так тесно связано с своим субъектом, что последний не может даже отречься от него, и все договоры, имеющие своей целью снятие и ограничение обязанности содержания, должны быть признаны недействительными. Однако право жены не должно быть рассматриваемо как право на сам имущество мужа: оно направлено только на периодические доходы, но не на сам источник их. Поэтому, если у мужа нет капитала или недвижимости, он все же несет свою обязанность, насколько не лишен рабочей силы, дающей ему самому пропитание.

Так как обязанность содержания основывается на предположении отсутствия источника средств у жены, то наличие у нее имущества, обеспечивающего ей такое же существование, какое мог бы доставить ей муж, устраняет возможность требования с ее стороны содержания. На том же основании муж, предполагающийся всегда способным приобретать средства, не имеет права требовать содержания от жены, хотя бы она несомненно обладала значительным имуществом.

Величина содержания, на которое имеет право жена, определяется потребностями жены и средствами мужа или, как выражается закон, - муж обязан доставлять жене пропитание и содержание "по состоянию и возможности своей" (т.Х, ч.1, ст.106). Состояние, о котором говорит закон, следует понимать в смысле общественного положения и вытекающих из него потребностей. В эпоху составления свода законов в сословной и помещичьей России общественное положение только и определялось состоянием лица. Так понимает это устарелое выражение и наша судебная практика (кас. реш. 1882, N 152). Возможно, что потребности будут

значительно выше средств их удовлетворения, например в разорившейся аристократической семье. Возможно, что средства превосходят высоту потребностей, например у разбогатевшего купца, не успевшего соответственно развиться. Размер содержания должен непременно сообразоваться с обеими величинами. Поэтому доля средств мужа, которая должна пойти на содержание жены, не может быть заранее определена. У мужа могут быть миллионные капиталы, но из них только малая сумма должна быть выдаваема, если она отвечает уровню потребностей жены. Если объем потребностей представляется довольно устойчивым, зато величина другого мерила, средств, подвержена постоянным колебаниям, соответственно тому муж приобретает основание требовать уменьшения суммы, выдаваемой жене на содержание, и жена не лишена права требовать увеличения этой суммы. Ни договоры, ни судебные решения не могут служить к тому препятствием (кас. реш. 1890, N 18).

Обязанность мужа выдавать жене содержание не стоит безусловно в зависимости от совместной жизни (кас. реш. 1906, N 8). Даже при раздельном жительстве, при намеренном оставлении друг друга, муж продолжает нести обязанность, если сожителство нарушено по его вине и он уклоняется от принятия жены в дом (кас. реш. 1876, N 41; 1893, N 106). Таким образом, при раздельной жизни муж обязывается и присуждается к выдаче вознаграждения условно, пока уклоняется от совместного жительства. Однако намерение его должно быть серьезным, а не притворным, для избежания только платежа; возвращение жены должно быть нравственно возможным, чего нет, например, в случае когда муж поселил у себя любовницу. Суду надлежит в каждом отдельном случае оценить, насколько серьезно предположение мужа принять жену и возможно ли для последней воспользоваться таким предложением (кас. реш. 1890, N 15). Если совместное сожителство стало невозможным по вине жены, то последняя не имеет права требовать от мужа содержания, в противном случае за ней было бы признано право требовать от другого исполнения своих обязанностей, в то время как она нарушает свои в отношении к этому лицу.

Если вследствие отказа со стороны мужа выдавать содержание жена принуждена была сделать долги, то муж обязан возместить ей эту сумму, очистить от обязательств. Предполагается, что сделанные долги вызваны необходимостью, а не роскошью. Сами кредиторы непосредственно к мужу не имеют никакого требования, потому что он нарушает их интересы, но не права. Если жена не доказала своей задолженности по причине отказа в содержании, то содержание может быть присуждено только со времени предъявления требования.

Возлагая на мужа обязанность содержать свою семью, закон не возлагает на жену обязанности участвовать в расходах на семейную жизнь, когда жена имеет самостоятельные средства. Такое привлечение ее не только не противоречило бы идее раздельности имущества, но вполне отвечало бы ей, как это и постановляет Германское уложение на случай принятой супругами системы раздельности (§ 1427).